

Как читать понятные стихи

Выдающийся лингвист Роман Якобсон первым заговорил о тесной связи поэтики и лингвистики. Его фундаментальный труд «Поэзия грамматики и грамматика поэзии» начинается так: «На склоне тридцатых годов редакторская работа над сочинениями Пушкина в чешском переводе наглядно показала мне, как стихи, думалось бы, тесно приближающиеся к тексту русского подлинника, к его образам и звуковому ладу, зачастую производят сокрушающее впечатление глубокого разрыва с оригиналом в силу неумения или же невозможности воспроизвести грамматический строй переводимого стихотворения. Становилось все ясней: в поэзии Пушкина путеводная значимость морфологической и синтаксической ткани сплетается и соперничает с художественной ролью словесных тропов, нередко овладевая стихами и превращаясь в главного, даже единственного носителя их сокровенной символики». Якобсон дал блестящий анализ отдельных пушкинских стихотворений, среди которых «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», «Что в имени тебе моем?», «Я вас любил...»

Мы покажем, как внимание к грамматическому строю стихотворения помогает пониманию, на примере нескольких произведений А. Фета.

Продолжим разговор о стихах и о том, как их понимать, что в них важно (см. РЯ № 21/2009). Когда-то Михаил Леонович Гаспаров начал свою лекцию словами: «Стихотворения бывают короткие и длинные...», – и дальше рассказал, что короткие и длинные стихотворения читаются по-разному. А в другой раз он начал так: «Стихотворения бывают понятные и непонятные», – и объяснил, что делать, когда совсем непонятно, и что – когда, кажется, все так просто, что и размышлять не над чем. (Если совсем коротко, то так: в непонятных стихотворениях находим все, что понятно, и высказываем предположения о том, что может значить остальное, которые не

противоречили бы тому, что понятно, – это *интерпретация*; в понятные стихотворения пристально вглядываемся, чтобы разобраться, что в них есть, кроме очевидного; при этом знаем, что важен не только прямой и переносный смысл слов, но и многое другое, – и это уже *анализ*).

Однажды мы обсуждали возможные читательские действия при встрече со стихотворением, вызывающим недоумение: «Это про что?». Поговорим теперь о стихах, такого вопроса не вызывающих.

Возьмем для начала безусловно короткое и понятное.

Облаком волнистым
Пыль встает вдали;
Конный или пеший –
Не видать в пыли!

Вижу: кто-то скачет
На лихом коне.
Друг мой, друг далекий,
Вспомни обо мне!

(А. Фет)

Если стихотворение слушают неопытные читатели, на всякий случай уточним, видно ли, кто там в пыли – конный или пеший, нет ли противоречия: то *не видать*, то *вижу*. После такого вопроса уж все догадываются, что перед нами движущаяся картинка: сначала не разобрать, а потом уже понятно – всадник. Для ясности спросим, в каком направлении он скачет. Один ученик мне удивительно ответил: «По косой!» – а потом объяснил, что всадник и приближается к наблюдателю, раз становится виднее, и при этом не к нему скачет; так что, действительно, «по косой». Можно ли теперь сказать, что «облако рассеялось» и полная ясность наступила? Пожалуй, нет. Загадка в том, как связаны со всем предыдущим две последние строчки, на все предыдущее непохожие. Может, лучше даже сначала спросить (себя или учеников), чем именно они непохожи.

В первых шести строчках перед нами две картины, увиденные наблюдателем, в последних